

Sergei Kovalev, interview with Philip Boobbyer, Moscow April 1999, transcript in Russian

СК: Филип, Вы на что рассчитываете, на монолог, на диалог? Вы должны же наверное задавать мне вопросы какие-то?

ФБ: Вы начните, если у меня будут вопросы, я задам.

СК: Ну хорошо, давайте.

ФБ: Почему для Вас лично...?

СК: Нет, давайте *лично* оставим в стороне, ладно?

ФБ: Хорошо.

СК: Вообще, я просто порассуждаю на тему, близкую к тому вопросу, который Вы задали. Если будут вопросы дополнительные, Вы еще меня спросите.

ФБ: Хорошо.

СК: Вообще всё то, что в России называется диссидентским движением, довольно часто, совершенно необоснованно, совершенно ошибочно, так сказать, отождествляют с политической оппозицией. Это совершенно неверно. Никакой политической оппозиции в 60-е – 80-е годы в Советском Союзе не было. Ну это немножко сложно, сейчас я объясню. На самом деле, среди нас были люди, которые думали, верили даже в то, что они представляют собой политическое сопротивление господствующей власти. Я думаю, что это была ошибка, добросовестное заблуждение этих самых людей. Потому, что политическая оппозиция всё-таки предполагает существование какой-то политической структуры, предполагает некую политическую концепцию, как говорится, политическую платформу, предполагает некоторую организацию, готовую хотя бы в будущем бороться за власть. Ничего подобного не было. То, что было, мне кажется, удобнее всего назвать, если хотите, нравственной несовместимостью с существовавшим тогда режимом, с существовавшим тогда порядком вещей. Ведь, собственно говоря, в чем состояли диссидентские требования? Ну если немножко огрубить, то это было вот что: ваши законы очень плохи, но соблюдайте хотя бы свои собственные законы. Вот это и было требование к власти. И поэтому в основе всех проявлений, как мне кажется, всегда стопроцентно лежал нравственный импульс. Если хотите, это было некое чрезвычайно плодотворное открытие, открытие, сделанное спонтанно. Ведь вообще говоря, можно было ожидать, что после смерти Сталина стихийное недовольство общества, освобождение общества, хоть в какой-то степени, от страха, будет реализовано по стандартной схеме, не один раз уже в истории России, и не только России, встречавшейся. Как только возникают общественные условия для сопротивления [диктаторскому режиму], так немедленно образуется 'подполье'. В этом 'подполье' зреют заговоры, готовится новая революция и, удачная или неудачная, попытка свержения дряхлеющего диктаторского режима.

К счастью, открытие, о котором я говорю, состояло в том, что никакой заговор не возник. Возникла совершенно иная форма сопротивления. Возникли открытая

публичная критика и требования законности. Ну конечно, были, что называется, 'подпольные' действия. Скажем, *Хроника Текущих Событий* издавалась анонимно, и мы прятали авторов *Хроники* и работу над её изданием старались конспирировать очень тщательно. Но мы при этом всегда резко возражали, если кто-нибудь называл *Хронику* нелегальным изданием, потому что нелегально – это значит незаконно, а ничего незаконного в ней не было. Я должен сказать, что был даже момент, когда обсуждалось – это было примерно в 72-м году – предложение не начать ли издавать хронику открыто, называя редакцию и, так сказать, устранив из практики *Хроники* анонимность. Но потом поняли, что это невозможно сделать. Даже если считать, что каждый открыто заявивший себя редактор пойдет в тюрьму после единственного или, скажем, двух-трёх выпусков *Хроники*, для этого надо было бы иметь очень длинную скамейку запасных. Такими возможностями мы не располагали. Да и было нечто, знаете, нарочитое и патетическое в таком заявленном стремлении немедленно пойти в тюрьму.

Теперь что касается вот этих заблуждений... Я говорю, что довольно многие, ну, в частности, Якир, Красин, может быть кое-кто из так называемых русских националистов... Они, быть может, и считали – ну о Якире и о Красине я знаю точно – они считали себя в самом деле политиками. Мне кажется, что это совершенно не случайная вещь, что именно эти люди, считавшие, что они занимаются политикой – я ещё раз повторяю, с моей точки зрения, это заблуждение, это ошибка – тем не менее, именно люди, полагавшие себя политиками – Вы знаете ведь эту историю – они-то и раскаялись, они-то и вступили в попытки достигнуть с властью некоего соглашения. Я даже скажу, что когда во время следствия Якир и Красин сдались и начали давать показания – в это время следствие организовало передачу писем из тюрьмы на волю – Якир писал... Нет, Красин сначала написал всем нам, потом Якир написал Андрею Дмитриевичу Сахарову. Оба они писали письма на волю, и в этих письмах постоянно присутствовал образ осажденный крепости: вынуждены капитулировать взамен на мягкие условия капитуляции – как они писали – чтобы спасти женщин и детей в осажденной крепости. Мы – к кому они обращались – мы не вели битву, мы не вели борьбу, направленную против власти. Мы не уважали эту власть, мы не скрывали своего неуважения, мы, так сказать, формулировали иные принципы жизни, но мы не требовали свержения власти, во-первых. Мы обращались к власти... Я бы сказал так: мы, как говорится, явочным порядком осуществляли свои свободы. Мы пожелали быть свободными в несвободном обществе, в несвободной стране. Вот и всё. Для каждого из нас это была глубоко личная позиция. И я повторяю, она была продиктована нравственным импульсом – в основе каждого протеста, в основе поведения каждого человека, заявлявшего такую позицию, лежал нравственный импульс. Вот в результате и сформировалось то, что теперь называют правозащитным движением.

Понимаете, мы довольно долго занимались изобретением велосипеда. Нам неоткуда было узнать, так сказать, основы современного представления... Ведь для нас была закрыта даже всеобщая декларация прав человека! Основы современного культурного представления о праве нам приходилось изобретать заново. Что-то мы узнавали понаслышке, что-то потом находили и могли прочитать, что-то, прочитавши, переизлагали для других, а что-то просто придумывалось. Понимаете? И почему право? Потому, что... Я не помню, кто это сказал, какой-то умный человек сказал:

право – это мостик между небом и землей. Право – это та нравственность, которая может быть осуществлена в грязных, земных условиях. Это не абсолютная нравственность, и это не полная справедливость; она (полная справедливость) возможна только *там*. Поэтому появилась такая, я бы сказал, преобладающая тяга именно к праву. Это вновь, так сказать, подчеркивает то, что движение не было политическим. Понимаете? В нём отсутствовал политический маневр. Кроме того, что не было точно сформулированных политических целей, не ставился вопрос о власти, в нём отсутствовали методы современной традиционной политики, и это по-моему тоже очень важное преимущество.

ФБ: Это было сознательно?

СК: Нет, это получилось бессознательно. На самом деле, это-то и следует... Из нравственной природы этого движения и следует, так сказать, преимущественно интерес к праву и отсутствие политических методов – это неизбежное следствие. Понимаете, еще одна очень важная вещь: вот такая концепция, рождающиеся из нравственного импульса – правовая концепция очень способствует солидарности. Ну вот смотрите... Как Вы знаете, на весь этот небольшой, довольно ограниченный, узкий круг диссидентов немедленно обрушились репрессии. Вот при этих репрессиях, все были солидарны. Ну что общего может быть, например, у меня и у такого русского националиста, как Владимир Осипов или Леонид Бородин, или кто-то ещё? Мы просто принципиальные оппоненты. Тем не менее, для меня было естественно заступаться за них, когда они подвергались каким-то репрессиям или арестам так же, как и они, тогдашние русские националисты, заступались за диссидентов-западников. Понимаете, для политических движений, этого совершенно не могло быть, потому что это движения прямопротивоположные.

ФБ: Да, я понимаю.

СК: А вот когда в основе лежат принципы права и нравственный импульс, такая солидарность оказывалась очень естественной. Ну вот собственно и всё, если говорить совсем коротко, а дальше ну совсем в общих чертах... А дальше произошло то, что произошло. Конечно, я повторяю, вот этот принцип открытого и, так сказать, персонального протеста, и вообще осуществление в несвободных условиях личной свободы – то, что русская литература называла внутренней свободой – на самом деле это движение, этот принцип привел к довольно ощутимым историческим результатам – результатам, которые до сих пор мало кто замечает.

ФБ: Вы можете рассказать об этом.

СК: Ну скажем, современные западные авторы почти никто не замечает этих важных исторических результатов. Ведь на самом деле, как западные авторы рассматривают новейшую историю России? Вот откуда-то взялся реформатор Горбачев. Вместе с ним так называемые архитекторы перестройки. Вот Яковлев, Шеварднадзе, еще кто-то... Жила-жила себе советская страна, переходя из сталинской диктатуры в эпоху застоя, как это говорится, стагнации и так далее... А потом вдруг явились реформаторы – Горбачёв и его ближайшее окружение, и тогда в стране начала развиваться

демократия. На самом деле это очень наивный взгляд на историю, с моей точки зрения, и довольно неправильный. На самом деле, партийные реформаторы, эти самые архитекторы перестройки, они и не думали ни о какой демократии. Они оказались достаточно молодыми и свежими для того, чтобы будучи внутри, так сказать, властных структур Советского Союза, всё-таки констатировать, что Советский Союз проиграл холодную войну, проиграл гонку вооружений. Его экономике уже не под силу сохранять, так сказать, военный паритет с Соединенными Штатами и объединенным западным блоком. Страна находится на грани катастрофы, экономической катастрофы. Надо сказать, что многие грамотные экономисты уже довольно давно ожидали, как я узнал позднее, такой катастрофы и даже удивлялись, почему же её до сих пор нет. Это уродливая экономика, всё-таки продолжала как-то существовать. Подавляющее большинство крупных городов страны сидела вообще без мяса, мяса в продаже не было, только на рынке. Всё Подмосковье ездило за продуктами питания в Москву. И это Подмосковье было не в радиусе 100 км от Москвы, а гораздо больше.

ФБ: А влияние диссидентов значит...

СК: Влияния диссидентов на эти процессы вообще не существовало.

Так вот, увидевши, что страна на грани экономической катастрофы, что холодная война проиграна и гонка вооружений проиграна, Горбачев, сменивший стариков в качестве генерального секретаря, и его ближайшая команда, решили, что надо искать выходы из создавшегося положения. И этот выход, как они справедливо заключили, состоит только в одном: нужно налаживать иные отношения с Западом, нужно превращать бывших врагов в деловых партнёров. Вот и все. При этом ни у кого из них не было и тени мысли о том, чтобы отобрать власть у Коммунистической партии, они намеревались её как раз укрепить. Поэтому основа их концепции, основа их моделей перестройки была совсем не демократизация. Основы их идеи перестройки состояли, если хотите, в разрядке напряженности, как тогда говорилось, в *реальном*, а не виртуальном сокращении вооружений, в установлении иных отношений с Западом, в ослаблении бремени вооружений, ну и в попытках переделать экономику, которая была, конечно, совершенно нежизнеспособна, потому что примерно 80% промышленности были ориентированы на военные нужды – не может жить страна с такой странной экономикой. Для этого нужны были хорошие отношения с Западом. И попытки установить такие отношения начались довольно энергично, сразу, резко. Довольно вероятно, что таким образом страна и пошла бы, и стала бы развиваться, так сказать, по китайской модели, по китайскому пути. И намерения архитекторов перестройки были совершенно прозрачны. Ну давайте вспомним, например, самую первую пресс-конференцию Горбачёва уже в качестве генерального секретаря, то есть первого лица Советского Союза, уже в качестве хозяина страны. Эта пресс-конференция была в Париже, и тогда молодого лидера огромной сверхдержавы спросили о Сахарове – кто-то, даже чуть ли не коммунистический журналист, спросил о Сахарове. Что же тогда сказал Горбачев, заметьте, будущий нобелевский лауреат, об уже состоявшемся нобелевском лауреате? Горбачев сказал: “Ну почему Вы спрашиваете про академика Сахарова? За свои поступки и высказывания Сахаров должен был бы сидеть в тюрьме. Но мы его не посадили в тюрьму. Он живет в

большом городе, в прекрасной благоустроенной квартире. Разве мы не гуманно поступили по отношению к Сахарову?” Вот отношения Горбачева, тогдашнего, так сказать, нового генерального секретаря к общественным порядком в стране.

Почему же это изменилось? Почему все-таки были приоткрыты клапаны, и начались процессы, которые в конечном счете привели к отстранению Коммунистической партии от единоличной власти? Вот по-моему именно здесь диссидентская история страны играет совершенно ключевую роль. Дело не в том, чтобы Горбачев или Яковлев или другие архитекторы перестройки восприняли бы идеи права, не в этом дело, ничего подобного не было, я и это могу точно совершенно доказать. Ну, например, в конце 87-го и начале 88-го годов в Политбюро – и эти документы сохранились в архивах и приобщены к делу о КПСС в Конституционном суде – двое из архитекторов перестройки, а именно Яковлев и Шеварднадзе, вместе с двумя должностными лицами высокого государственного ранга генеральным прокурором Рекуньковым и тогдашним председателем КГБ Чебриковым, написали дважды в Политбюро форменный донос и по стилю, и по содержанию, совершенный советский донос, на организаторов международного семинара по правам человека в Москве в декабре 87-го года. И по набору выражений, и по стилистике, и по всему, это был настоящий донос. Там упоминались пофамильно, если я правильно помню, 4 человека: Тимофеев, Григорянц, Богораз и я сам – Ковалев. Там говорилось, что вот эти отъявленные антисоветчики, злопыхатели, предатели своего народа, клеветники антисоветские, отбывшие уже наказания за свои преступления, вновь пытаются распространять клевету на советскую власть, ну и так далее и тому подобное. Правда там говорилось, что этих людей, заслуживающих ареста, арестовывать всё-таки нецелесообразно, потому что это может подорвать западное доверие к идеям перестройки. А предлагалось всячески дезавуировать этих лиц, дезавуировать самую идею семинара, утверждение о том, что якобы нарушаются права человека в Советском Союзе и так далее.

Вот вам, пожалуйста! О какой демократизации по инициативе этих самых архитекторов могла бы идти речь. Ясно было совершенно, что они намерены сохранить прежнюю систему правоотношений и, так сказать, бразды правления в руках единственной силы – Коммунистической партии. Я специально подчеркиваю, что это как раз те люди, которые инициировали процесс изменений. Почему же в конце концов страна всё-таки свернула на другой путь? Я думаю, что влияние диссидентов здесь была опосредовано. Оно было опосредовано западными кругами, кругами западной интеллигенции, и, как это ни странно, именно немножко ‘розоватой’ (смеется) части интеллигенции.

Дело в том, что западные интеллектуальные круги довольно чётко делились на людей, которые отлично понимали, что такое Советский Союз, что там происходит и рассматривали Советский Союз в качестве врага цивилизации, империи зла, как угодно... И такая левая часть интеллигенции – либеральная интеллигенция, которая, наоборот, считала Советский Союз своим естественным союзником в борьбе против консерватизма, жесткости, негуманности своей собственной власти. Так вот, до определенного момента, эти, преимущественно профессорские интеллектуальные круги, были настроены про-советски. И вдруг они стали узнавать, что в Советском

Союзе существует диссиденты, которых власть преследует, сажает в тюрьмы и так далее. В чем же, собственно говоря, этих диссидентов обвиняют в Советском Союзе? Для сознания западных интеллектуалов это была совершенно непонятная вещь. За свободу слова! Ну, например, Синявского и Даниэля посадили в тюрьму за литературные произведения, опубликованные под псевдонимом; иных других сажали за протесты по поводу судебных приговоров и решений. Это было совершенно неестественно для Запада. И вот *эта* часть интеллигенции, как только она это поняла и стала оказывать давление на свои правительства, она и заставила Запад *вообще* выдвинуть гуманитарные требования к Советскому Союзу. Вот так складывалась наша история. Я прошу прощения, я сейчас приду.

ФБ: Я думаю, что наверно всё.

СК: Ну хорошо.

Конец записи.